

— **11 июля** я отправился в Калининград в отпуск. Накануне решил переписать кое-что с наших пластинок на кассеты с помощью магнитола "Вега", которую я купил Иринке в честь окончания института, и к величайшему огорчению обнаружил, что барахлит запись. Запихал бандуру в дорожную сумку и потащил в магазин. Спустился с нашей горы, залез в троллейбус и обнаружил, что кошелек забыл дома - ни денег, ни талонов на проезд. Вылез и пошёл обратно вверх, по жаре (24 градуса), а потом снова вниз.

— В гарантийной мастерской при магазине мне за десятку обещали устранить неисправность к вечеру, и сделали, а ночь всю почти я музыку записывал.

— На следующий день после моего прибытия в Калининград, **12 июля**, Мите предстояло отбыть в Вильнюс на Всесоюзную летнюю химическую школу, куда он получил приглашение во время Всесоюзной химической олимпиады в Минске (там Митя занял 23-е место среди 77 участников).

— Мы с Сашулей поехали Митю провожать. Взяли на троих билеты до Вильнюса и отправились утренним дизелем Калининград-Вильнюс. В Гусеве в этот же дизель сел ещё один участник школы, знакомый Мите по олимпиадам мальчик со своим отцом, тоже провожающим.

— И тут нам с Сашулей в головы пришла идея - а чего нам тащиться до Вильнюса, не выйти ли в Каунасе? В Каунасе у нас будет времени до обратного дизеля часов пять, погулять можно будет по городу, а до Вильнюса если ехать, то это два лишних часа в дороге только в одну сторону, потом обратно почти сразу надо будет ехать, у меня спина столько не выдержит, Митя же с приятелем и его папой и без нас доберутся.

— Митя, конечно, не возражал, мы передали его под опеку отцу товарища, вышли в Каунасе, помахали Мите ручкой и пошли в вокзал перекусить. Попили кофе с сардельками и направились к выходу в город, как вдруг меня шандарахнуло:

— Билеты! Билеты у нас остались, все три! Мы отправили ребёнка без билета! А контролёров ещё не было, наверняка после Каунаса будут проверять. Вот идиоты!

— Бросились к дежурному по вокзалу: так, мол, и так, у нас билеты остались, нельзя ли с поездом связаться?

— Нет такой возможности. Штаты сократили, никто к поезду теперь не выходит, и проводников в поезде нет.

— А контролёры, не знаете, будут?

— Наверное, будут.

— Что же делать?

— Не знаю, в милицию обратитесь.

— Пошли к дежурному милиционеру. Тот, молодой парень, отнёсся к нам сочувственно и пообещал, что если Митю в Вильнюсе отведут в милицию, и он там расскажет, как дело было, и оттуда сюда позвонят, то он подтвердит, что Митин билет до Вильнюса здесь в Каунасе.

— Вот, собственно, и всё, что мы могли предпринять. Теперь оставалось только уповать, что, может, контролёров не будет, а если будут, то они поверят Мите и папе его приятеля. В крайнем случае, денег у него и на штраф должно хватить, вот только моральный ущерб терпеть придётся по нашей милости.

— Мы слонялись по Каунасу и посыпали себе головы пеплом, понося себя на чём свет стоит:

— Идиоты! Проводили ребёнка! Сидели бы лучше дома, денег на дорогу не тратили, уж без нас-то он точно с билетом бы до Вильнюса доехал. Как он там сейчас?

— В общем, устроили себе прогулку по Каунасу.

— С этими стенаниями мы тем не менее посетили какие-то выставки, посвящённые, главным образом, "зелёным братьям" (литовским антисоветским партизанам) и жертвам

депортации литовцев в Сибирь.

— Никакие особые внешние признаки нового положения Литвы в глаза не бросались, разве что русских вывесок почти не осталось, но их и раньше-то мало было. В магазинах несравненно хуже, чем раньше, но лучше, чем в Калининграде сейчас, несмотря на блокаду.

— На четвёртый день только Митя позвонил из Вильнюса и доложил, что у него всё в порядке, он доволен, всё хорошо, интересно.

— А как ты доехал-то без билета? Контролёры были?

— Были. Но я им объяснил всё, и они поверили. Не оштрафовали.

— Тогда только у нас отлегло, наконец, от сердца. Но и повыражались ещё в свой адрес напоследок.

— 3 июля 1991 г., Москва, у Бирюковых

— В тот день, когда Митя позвонил, наконец, из Вильнюса, у нас зять появился. Позвонил, открываю дверь, стоит на площадке. Похоже, чуть поддатый, но немного.

— Александр Андреевич, Вы не могли бы мне несколько минут уделить?

— Ну, заходи.

— Провёл его в комнату, сам сел на диван, Дима - в кресло. Вид у него восторженный какой-то.

— Александр Андреевич, можно я Вам стихотворение прочитаю?

— Ни фиги себе! Во, даёт, любимый зятёк!

— После белогорячечных погромов с рукоприкладством и психушки он, как ни в чём не бывало, заявляется стишок прочитать. Совсем башку потерял. О чём я ему и заявил тут же:

— Ты, что, Дима, совсем очумел? Какие стихи ты тут читать собрался? Видали голубя: он лупит мою дочь, а потом ко мне же заявляется стихи читать. Я тебе, дорогой, вот что хочу сказать. Если ты ещё раз Ирину пальцем тронешь, пеняй на себя. Я либо тебе кости переломаяю, либо в тюрьгу, либо в дурдом упеку. Понял? Одно из трёх, других вариантов не будет. А теперь дуй отсюда, поэт мне тоже...

— Дима почему-то такой встречи не ожидал.

— Но, Александр Андреевич, а как же Ваши призывы к гуманности, к человеколюбию? Вы же сами мне Соловьёва читали - грехи, мол, и не кайся...

— Он ещё мне будет о человеколюбии тут рассуждать! Хватит. Душеспасительные беседы окончены. Я с ним буду о высоких материях беседовать, а он - мою дочь бить? Ты соображаешь, чего молотишь?

— Выражение лица у Димы сменилось с восторженного на глубоко оскорблённое. И уже когда он, сгорбившись, сидел на низенькой табуреточке, зашнуровывая свои кроссовки, мне стало его жалко.

— Ушёл.

— Сашуля смотрела в окно и доложила мне:

— Слезы утирает. Вон, стоит, словно не знает, куда идти. Побрёл через дорогу.

— А я уже жалел о своём тоне, каким разговаривал с ним.

— Зря я так. Зря. Не надо было так грубо. Жестоко даже.

— Сашуля горячо возразила:

— Ты что, его жалеешь, что ли? А дочь свою тебе не жалко?

— Ей моё резкое обращение с зятем ни чересчур резким, ни грубым отнюдь не показалось. Напротив, она была даже довольна, что я с Димой наконец-то по-мужски поговорил.

— Как с ним ещё разговаривать, если он нормальных слов не понимает?

— Но он же больной человек, он и сам страдает.

— Знаем мы эти страдания, слёзы его крокодиловы. Это он специально на середину улицы вышел, рыдая, чтобы мы видели.

___ - Всё равно не следовало мне так злобно с ним разговаривать. Действительно, сам его к терпимости призывал, а сам...

___ Сашуля со мной категорически была не согласна:

___ - С ним только так и надо.

___ Я же, хоть и сказал то, что давно уже хотел сказать зятю, что проговаривал себе в уме именно в такой и даже более резкой форме, теперь жалел о сказанном. Да, высказался, облегчил душу, а стало тяжелее. Не то. Не надо самому-то опускаться...

___ Ирины в это время в Калининграде не было, они с Мишей во Владимир и Севастополь ездили. Когда они вернулись, и Сашуля рассказала о моём с Димой разговоре, Ирина никакого сочувствия к Диме не выразила и полностью с Сашулей солидаризировалась:

___ - Так ему и надо, подумаешь - оскорбился. Оскорбляться-то он мастер...

Ирина, Милочка, Павел и Миша в Крыму летом 1990 г.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)